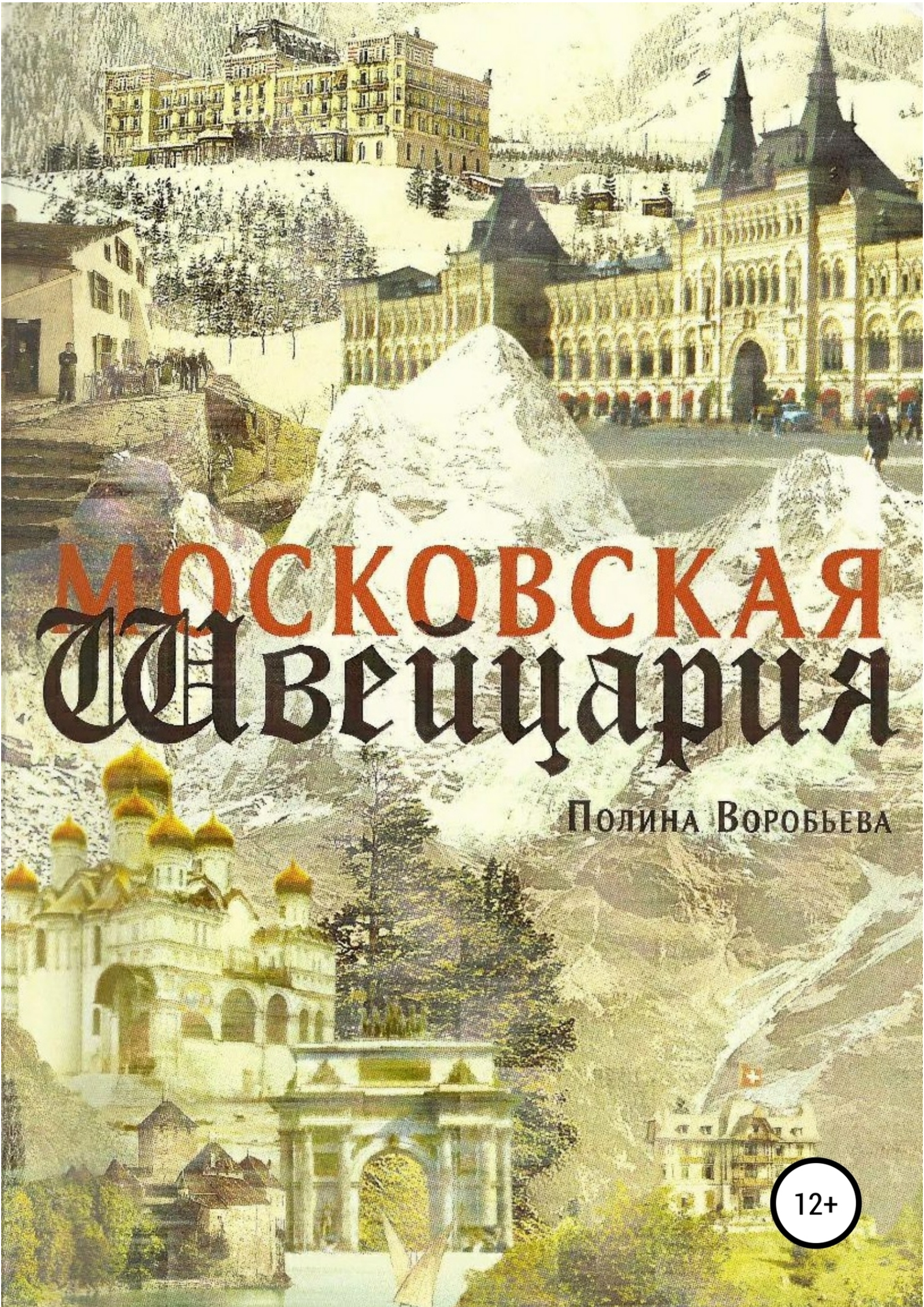

МОСКОВСКАЯ Швейцария

Полина Воробьева

12+

Полина Воробьева
Московская Швейцария

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Воробьева П. С.

Московская Швейцария / П. С. Воробьева — «ЛитРес: Самиздат», 2015

А вы знаете, что врач Ф. Эрисман основал в России гигиенистику - науку о гигиене, путешественница Э. Майяр впервые рассказала Европе о СССР 1930-х годов, а архитектор Х. Мейер был преподавателем московских архитектурных вузов? Русским Швейцария многие десятилетия представляется воплощением рая на земле. Но были времена, когда швейцарцы могли тоже самое сказать и о нашей стране. Они приезжали сюда искать лучшей доли, воплощать мечты, которым не суждено было стать реальностью дома, или просто отдыхать. В очерке содержится информация о знаменитых швейцарцах, которые приезжали в Москву в 18-19 веках, и об их впечатлениях о нашем городе.

© Воробьева П. С., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Предисловие автора

Что есть московского в Швейцарии или швейцарского в столице страны, которую аршином не измерить? Эта книга про москвичей, которые проживали в Швейцарской Конфедерации, или про швейцарцев в Москве?

Перед тем как мы вместе найдем ответ на этот вопрос, предлагаю немного пофантазировать. Представьте себе (а некоторым и этого делать не надо), что у вас есть знакомый-иностранец, который хочет приехать в гости – посмотреть вашу страну. Эта идея вас вдохновляет, однако чем ближе дата приезда гостя, тем острее встает вопрос: – куда же его сводить и что ему показать? Конечно, можно «отделаться» посещением популярных туристических мест, которые, что называется, «must be» – должны быть прописаны в маршруте любого приезжего. Но признайтесь себе честно, не хотелось ли вам рассказать гостю о том, что имело бы максимально близкое и личное отношение к его стране здесь, в России, – о его соотечественниках, например, которые сами когда-то бывали в этой стране, ходили по улицам Москвы, знакомились с местными людьми, восхищались красотой национального искусства, а потом, возможно, описывали все накопленные от поездки впечатления.

Идея рассказать своему другу о том, какие из его соотечественников-швейцарцев ранее посещали Москву, а, возможно, даже и жили в ней, пришла мне в голову в 2014 году совершенно случайно во время поездки в общественном транспорте. Я записала ее в блокнот, а потом при первой возможности просто начала искать в интернете все, что было связано с этой темой. Материала нашлось немного, но даже он дал почву для дальнейших размышлений.

Сначала я всерьез подумала о проекте экскурсии: вот, к примеру, Лефорт был там-то и там-то, или в честь него было названо то-то и то-то. Спасибо, дальше. Такая задумка вертелась в голове до конца июля. В это время я отдыхала в Санкт-Петербурге. Поездка подходила к концу, и завершить ее непременно надо было посещением местных книжных магазинов, которые особенно вызывают у меня восторг. Как раз в одном из таких мест я наткнулась на книгу Михаила Шишкина «Русская Швейцария»¹. Взгляд как бы сам собой упал на нее. В книге рассказывалось о наших соотечественниках, в разное время переехавших жить в Швейцарию: история их жизни на новой родине, воспоминания и впечатления. Тогда для меня стало очевидно: я хочу написать именно книгу о швейцарцах.

Я приступила к поискам материала. Сначала я наивно полагала, что эта тема была малоизученной и потому найти достойный материал будет проблематично. Уже на деле все сложилось несколько иначе: сведений о швейцарцах, оставивших свой след в истории Северной столицы, было достаточно много, а вот Москва почему-то оказалась в стороне. Да и посещал ли ее вообще кто-то?

Только сейчас, спустя год, как весь этот проект крутится у меня в голове, я понимаю, что проблема заключалась скорее не в том, что Москва была плоха или хороша сама по себе для проживания отдельных граждан в ней. Возможно, за поиском ответа на этот вопрос стоит обратиться к истории. Так сложилось, что двери в Россию для швейцарцев открылись в эпоху царствования Петра Первого, когда в Санкт-Петербург перенесли столицу Российской империи и там начал формироваться центр политической, общественной, экономической и культурной жизни общества. Москва не пропала из виду, но продолжала оставаться в числе договняющих. Коренным образом ситуация поменялась после революции 1917 года, когда столицу государства вновь перенесли в Москву, а вместе с этим сместился центр тяжести всей жизни. Именно в советское время, на мой взгляд, Москва стала по-настоящему швейцарской. Это не

¹ Шишкин М.П. Русская Швейцария: литературно-исторический путеводитель/Михаил Шишкин. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 606, [2] с.: ил.

значит, что граждане Швейцарской Конфедерации не появлялись там ранее – просто они ярче всего заявили о себе именно в то время.

Основная идея книги свелась к тому, чтобы хотя бы немного рассказать о жителях горной страны, которые жили в России, работали в ней или путешествовали, попытаться передать их впечатления о нашей столице: что думали, что приводило в восторг, а что – откровенно шокировало. Ведь и сами они были очень разными людьми: кто-то до приезда в Россию был известен в своей стране, другой только здесь встал на ноги и заработал себе имя и признание, для третьего пребывание в Москве стало очередным этапом жизненного пути, когда он осмыслил и понял, что собственно от нее ждал и хотел. Так, думаю, мало кто знает, что Россия воспитала Нобелевского лауреата по литературе Карла Шпиттелера, который сбежал сюда от деспотии родного отца и несчастной любви.

Но прежде чем вы прочитаете об этих людях, я хотела бы обратить ваше внимание на два важных, на мой взгляд, аспекта. То, что вы держите в руках, – это вовсе не исчерпывающая тему научная работа о проблемах эмиграции, а, скорее, небольшой исторический путеводитель, не претендующий на абсолютную полноту информации. Я вполне допускаю, что привела в этой книге не полный перечень швейцарцев, чья жизнь в той или иной степени была связана с Россией. В ходе дальнейших исследований могут выявиться сведения о тех, о которых я не знаю вовсе или не нашла информации, хотя для подготовки использовала много иностранных источников, переводом которых занималась самостоятельно. В конце концов, я ставила перед собой задачу просто рассказать о тех людях, которые лично меня вдохновили на написание книги. Да, швейцарский писатель Карл Шпиттелер не посещал Москву, но его пребывание в России вообще оказало неоценимое влияние на его будущее литературное творчество.

Я искренне надеюсь, что каждый из вас обнаружит в этой книге то, что понравится лично ему и натолкнет на какие-то новые идеи. Желаю вам приятного чтения.

Введение

«Нигде явления природы не имеют такой ужасающей силы, не представляют такого грандиозного величия, как в Альпах. Вид и положение той или другой альпийской местности то и дело меняются: с каждым поворотом дороги, с глетчера (ледника) или из долины, с различной высоты гор, смотря по времени года и дня, вы видите перед собою всегда новую картину. К тому же нередко деревня, сегодня цветущая, завтра может быть погребена под лавиною или снежным обвалом. Взорвавшись на одну из вершин этих гор, можно видеть все четыре времени года. В самом низу, в альпийских долинах, – весна: во всей красе зеленеют поля и пышная листва толстостебельных каштанов, цветут цветы, пестреет роскошная растительность. Тут же подле, но в местностях, наиболее защищенных от ветра и обращенных к солнцу, – лето: идет сенокос, а несколько далее жители собирают богатую жатву и сочный виноград. Но чем выше, тем холоднее, тем чаще встречаешь суровые картины природы: пожелтевшую, поблекшую растительность, каменные обломки, груды камней. Еще выше идет снег в то время, когда внизу весна и лето царствуют во всем разгаре. С каждым шагом вверх – все меньше встречаешь лесов, особенно лиственных; их все чаще заменяют кустарники, кедры, одинокие ели, малорослые сосны и беспорядочные кучи камней, гниющих стволов, поломанных деревьев, покрытых грибами и лишаями. На каждом шагу выглядывают скалистые утесы, здесь и там шумят ниспадающие ручьи и потоки, человеческие жилища попадаются все реже и, наконец, совсем прекращаются, и над громадными вершинами и скалами простирается безмолвная снежная пустыня. В этой области три четверти года земля засыпана снегом, повсюду гигантские ледяные массы – ледники, напоминающие громадные замерзшие реки. Они нередко спускаются целыми десятками от самых высоких вершин вплоть до населенных долин. У подошвы ледников дико вырываются мутные источники. По мере того, как вы подымаетесь на ту или другую

высоту, вы встречаете другой климат, другие растения и других животных; меняются и ветры, и солнечное освещение; звезды, луна и самое небо представляют иную ясность, иные оттенки, даже другие цвета»².

«Итак, мы встретились и взаимно друг другу обрадовались.

– Вот вы как? – удивился Дыба, – А мы было думали, что вы прямо в Швейцарию стопы направите?

– Да, было-таки предположение, – подтвердил и Удав, не без угрозы, а скорее с шутливой снисходительностью.

– Но почему же ваши превосходительства думали, что я непременно поеду в Швейцарию, а не в Испанию, например?

– Зачем в Испанию? что там делать? Там, батюшка, нынче Изабелла в ход пошла!³ Ну, да уж что! Кто старое помянет...

И Удав с улыбкой протянул мне руку, в знак забвения, но вслед за этим словно обеспокоился и спросил:

– Не одобряете?

– Не одобряю! – воскликнул я твердо.

– И нельзя одобрить. Хотя, с одной стороны, конечно... однако, тем не менее... Лучше не ездить.

Это было ужасно доброжелательно. Но так как будущее сокрыто от смертных и могло представить надобность в поездке в Швейцарию независимо от всяких превратных толкований, то я все-таки поспешил оградить себя.

– Ваши превосходительства! – сказал я, – вы напрасно считаете Швейцарию месторождением исключительно превратных толкований. Есть, например, в Люцерне “Раненый Лев” – это, я вам доложу, такая штука, что хоть бы и нам с вами!

Я изложил, как умел, смысл и содержание памятника и, разумеется, привел бесшабашных советников в восхищение.

– Так вот они, швейцары, каковы! – воскликнул Дыба, который о швейцарцах знал только то, что случайно слышал от графа Михаила Николаевича, а именно: что некогда они изменили законному австрийскому правительству, и с тех пор опера “Вильгельм Телль” дается в Петербурге под именем “Карла Смелого”⁴⁵. *Скульптура «Раненый лев» посвящена участию швейцарцев в одном из ключевых событий Великой французской революции – штурме дворца Тюильри. В этот день парижские бунтовщики осадили замок Людовика Шестнадцатого: подконтрольные ему войска покинули его, и до последнего на его защите стоял швейцарский гвардейский полк. Из немногим более тысячи воинов этого полка осталась в живых только треть.*

Надеюсь, вы заметили разницу? Первое – немного романтическое и восторженное, преисполненное преклонения перед стихией, второе – несколько брюзгливое и ироничное, призывающее простить причуды принимающей стороны – Швейцарии. Первое принадлежит Елене

² Водовозова Е.Н. Как люди на белом свете живут. Швейцарцы. / Изд. 2-е, испр. СПб., 1904.

³ С начала 1880 г. в Испании сильно обострилась борьба клерикалов-консерваторов за уничтожение конституции 1876 г. Вдохновительницей и организатором движения явилась бывшая испанская королева Изабелла II (Мария-Луиза), свергнутая с престола в 1868 г. и жившая с тех пор в Париже.

⁴ ...некогда они <швейцарцы> изменили законному австрийскому правительству, и с тех пор опера «Вильгельм Телль» дается в Петербурге под именем «Карла Смелого»... – Возникновение легенды о свободолюбивом стрелке Вильгельме Телле связано с национально-освободительной борьбой швейцарских кантонов против австрийского ига Габсбургов (кон. XIII – нач. XIV в.). Написанная на этот исторический сюжет опера Россини «Вильгельм Телль» шла на русской и итальянской сценах в Петербурге с политически «нейтрализованным» сюжетом и под измененным названием «Карл Смелый» («Carlo il Temerario»).

⁵ Салтыков-Щедрин М. За рубежом. // Электронная библиотека RomanBook. <http://romanbook.ru/book/5864189>.

Николаевне Водовозовой, русской детской писательнице, педагогу и мемуаристке, второе – известному писателю Салтыкову-Щедрину.

Елена Николаевна приобрела славу во многом благодаря серии своих путеводителей – «Как люди на белом свете живут». Конечно, это не путеводители в том смысле слова, в котором мы привыкли сейчас его понимать: некое описание туристических достопримечательностей с подробными схемами проезда и рекомендацией, что и где купить или поесть. «Как люди на белом свете живут» – скорее попытка описать пусть и небольшой, но опыт проживания в другой стране, систематизировать свои впечатления и наполнить какими-то реальными фактами из ее жизни.

Второй же отрывок приведен из книги Салтыкова-Щедрина «За рубежом», своего рода путевого дневника, в котором он описывал в присущей ему сатирической манере впечатления от своей заграничной поездки. Описание Швейцарии и тех впечатлений, которые вызвала страна, – только небольшая часть этого дневника, как и путешествия в целом, но от этого не менее показательная. Так, в его книге нашло отражение описание благородной публики, которая обычно составляла контингент путешествующих за границей граждан Российской империи, упоминается в ней несколько раз и Швейцария. То Салтыков-Щедрин говорил о «сановниках опальных, которые поверяют Юнгфрау свои любезно-верные вздохи и пробуждают жалость в сердцах людей кадетской мудростью своих административно-полицейских выдумок»⁶, то признавался в том, что ехал в Швейцарию не без страха, то все-таки находил время для созерцания местных красот: «Оглянешься кругом, вся природа словно изнемогает под наплывом внутреннего ликования. Все блещет: и небо, и горы, и озера. Даже гроза, и та летит навстречу, вся блистающая, вся пылающая целым пожаром сверканий»⁷.

В конце концов, он пишет: «По-настоящему мне следовало бы, сейчас же после свидания с графом ТвэрдоонтС, уехать из Интерлакена; но меня словно колдовство пришили к этому месту. В красоте природы есть нечто волшебное действующее, проливающее успокоение даже на самые застарелые увечья. Есть очертания, звуки, запахи до того ласкающие, что человек покоряется им совсем машинально, независимо от сознания. Он не анализирует ни ощущений своих, ни явлений, породивших эти ощущения, а просто живет как очарованный, чувствуя, как в его организм льется отрада. Нечто подобное испытал и я. Всякая дребедень лезла мне в голову: и теория смерча, и теория кукиша с маслом, и еще какая-то совсем новая теория умиротворения, но не без участия строгости и скорости. Но и за всем тем чувствовалось хорошо. Эти тающие при лунном свете очертания горных вершин с бегущими мимо них облаками, этот опьяняющий запах скошенной травы, несущийся с громадного луга перед Hoheweg, эти звуки йодля⁸, разносимые странствующими музыкантами по отелям, – все это не жило, сладко волновало и покоряло. И я, как в полусне, бродил под орешниками, предаваясь пестрым мечтам и не думая об отъезде»⁹.

У представителей каждой из стран – России и Швейцарии – складываются собственные представления друг о друге, которые зачастую основаны на общераспространенных клише: одна славится чудесными сырами, шоколадом, самыми надежными банками и часовой промышленностью, вторая – преимущественно холодной погодой, разгуливающими по улицам бурыми медведями и жителями, которые столовыми ложками черпают черную икру. Кому-то такие клише мешали, другой смог от них абстрагироваться и взглянуть свежим взглядом на принимающую страну. И не всегда наши представления друг о друге должны быть исключительно положительными; они могут быть разными, что я попыталась продемонстрировать вам

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ...звуки йодля... – Йодль (нем.) – жанр и манера исполнения (на высоких горловых регистрах) народных песен у альпийских горцев.

⁹ Салтыков-Щедрин М. За рубежом // Электронная библиотека RomanBook. <http://romanbook.ru/book/5864189>.

во введении. Применительно к обеим странам действует простое правило: как русские могли восхищаться или не восхищаться Швейцарией, точно также и швейцарцы могли восхищаться или не восхищаться русскими гражданами, которые приезжали к ним.

Немного об истории

Лучше всего о причинах эмиграции сказал дипломат и российский ученый А.И. Степанов: «В первую очередь эмигрантов интересовали подходящие заработки и разные материальные блага, стремление, покинув родину, добиться успеха и благоденствия на чужбине. Можно предположить, что на них производила впечатление сама страна, ее необъятные просторы, величественная и суровая природа, непривычные для Запада образ жизни и характер русских – людей открытых и гостеприимных. Наверное, в общей массе швейцарцы, принимавшие близко к сердцу судьбы чужой страны, хотели также помочь ей»¹⁰.

Общие сведения об эмиграции

Первые сведения о швейцарской эмиграции относятся к концу XV века. До середины XVIII века эмиграция протекала по нарастающей. В XVI веке приток швейцарцев несколько замедлился, но во второй половине XVII века вновь набрал обороты. Так, в иностранной колонии в Москве доминировали швейцарские офицеры, составлявшие (1665 г.) более 2/3 от 239 семей, ремесленники и мастера по изготовлению изделий искусства и оружия – 1/7 и торговцы – 1/10 часть населения колонии¹¹.

У истоков первых официальных контактов между странами стояла «Республика и кантон Женева»¹². Благоприятным поводом для проявления ею инициативы послужило поступление на русскую службу представителей купеческого рода Лефортов, в частности Франсуа Лефорта, сделавшего при Петре Первом блестящую военную карьеру. Таким образом, эмиграция в Россию начинается с выезда отдельно взятых представителей Швейцарии.

При Екатерине Второй к поселенцам-одиночкам присоединяются уже специально приглашенные колонисты. Так, при ее внуке, императоре Александре Первом, в районе Аккермана в Бессарабии была основана колония швейцарских поселенцев «Шабаг». В XIX веке эмиграция швейцарцев в Россию принимает массовый характер. С 1814 года Россия в Швейцарии была представлена полномочными дипломатами, в обязанности которых входило наблюдение за жизнью страны и политикой окружающих держав. Швейцария же в России до начала XX века открывала почетные консульства, которые занимались преимущественно делами швейцарских поселений и торговыми отношениями. В конце 1816 года впервые был назначен консул в Санкт-Петербурге, а в 1837 году там же был введен статус генконсульства. Консульства Швейцарии в России появлялись в следующем порядке: в 1828 году – в Москве, в 1832-м – в Одессе, в 1868-м – в Риге, в 1875-м – в Варшаве, в 1883-м – в Тифлисе, в 1902-м – в Киеве и в 1914-м – в финском Або.

Киев, Рига, Одесса, Тифлис и Варшава последовательно входили в состав Российской империи с начала XVIII века. Их выход из нее в основном был связан с революционными событиями 1917-го и последующих годов.

Примечательно, что вопрос об открытии консульства в Киеве поднимался гораздо раньше даты его фактического открытия, еще в 1883 году. Генеральному консулу Швейцарской Конфедерации Е. Дюпону поступило письмо от президента Швейцарии с запросом рассмотреть возможность учреждения консульства в Киеве. Дюпон «в меру своих сил навел справки

¹⁰ Степанов А.И. Русские и швейцарцы. Записки дипломата. М.: Научная книга, 2006. С. 302.

¹¹ Там же. С. 307—308.

¹² Там же.

по этому вопросу», посоветовался с коллегами в Одессе и Москве и пришел к выводу, что учреждение швейцарского консульства в Киеве было бесполезно: «Швейцарская колония в самом Киеве очень малочисленна: по данным господина Тритена, там было только два кондитера, один перчаточник, один-два торговых служащих, один служащий-железнодорожник, два преподавателя гимназии и несколько служащих и гувернанток. Расстояние от Киева до Одессы можно проехать за 24 часа, и максимум 3—4 дела, которые могут возникнуть в течение года в трех губерниях, составляющих округ генерального губернатора, – в Подолье, Киеве и Волыни – недостаточны, чтобы вызвать необходимость создания консульства в Киеве»¹³.

Вместо этого он предлагает срочно открыть консульство в Тифлисе с зоной работы, покрывающей Кавказ, Закавказье и все пространство по другую сторону Каспийского моря вплоть до Ташкента и т.д. При этом, выдвигая идею, он руководствуется как соображениями личного удобства швейцарских подданных, так и возможностями развития торговых отношений в этом регионе: «Расстояние между Тифлисом и Одессой велико, летом нужно 3 недели, а зимой – 5 – 6 недель, чтобы получить ответ на письмо, а для других городов этот срок без преувеличения можно определить в месяцы. Такие длительные сроки являются, как вы понимаете, большим неудобством для открытия и ликвидации наследств, но есть еще и вопрос о торговых отношениях Кавказа с Швейцарией, который заслуживает упоминания.

Кавказ нельзя приравнивать к остальной Империи как с точки зрения импорта, так и с точки зрения экспорта в торговых отношениях с Швейцарией; он предлагает сырьевые и промышленные товары, которых невозможно найти в других районах России: грону (яйца бабочки шелкопряда), коконы, шелковые очесы и многие другие товары, – которые ежегодно привлекают представителей швейцарских фирм. Нефть Каспийского моря может способствовать развитию прямых и очень важных отношений со Швейцарией. Завершение строительства железной дороги Баку – Тифлис – Поти открывает для русской нефти выход на все побережье Средиземного моря; из Поти грузы могут быть направлены в Геную, а затем будут ввезены в Швейцарию через Сен-Гортард; олеонафты и жиры минеральных масел тоже уже известны в Швейцарии.

Хотя вопрос о транзите через Кавказ был решен отрицательно, Кавказская дорога остается чрезвычайно важной для перевозок швейцарских товаров в Персию через Батум или по Каспийскому морю. Если предложение, которое я имею честь вам представить, будет принято, то не составит труда найти человека, способного занять этот пост. Если вам понадобятся другие сведения, дайте мне об этом знать, я незамедлительно вам их представлю»¹⁴.

Видимо, предложение Дюпона было настолько убедительно, что консульство в Тифлисе действительно было открыто уже в том же году.

Швейцарское дипломатическое представительство начало работу в Петербурге только в 1906 году. Поводом для его открытия послужили тревожные события, развернувшиеся в России годом ранее. Швейцарские граждане, проживавшие в России в это время, направили в адрес Президента и Федерального совета Швейцарской конфедерации письмо с пожеланием учредить в Санкт-Петербурге миссию, причем это пожелание уже неоднократно высказывалось ранее. В случае отрицательного ответа швейцарцы предлагали назначить генерального консула: «События в России могут принять такой оборот, что возможность наиболее эффективной защиты интересов швейцарских граждан может внезапно стать в высшей степени актуальной, и нижеподписавшиеся выражают надежду, что Высший Федеральный совет сообразовал бы в непродолжительном времени положительно решить этот вопрос»¹⁵.

¹³ Письмо Генерального консула Швейцарской Конфедерации в С.-Петербурге Е. Дюпона Президенту Швейцарской Конфедерации Л. Рюшонне от 5 (17) мая 1883 г. См. AF, E 2/1487.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Письмо швейцарских граждан Президенту и Федеральному совету Швейцарской Конфедерации от 20 апреля (3 мая) 1905 г. См. AF, E 2001 (A) 1041. Предложение Федерального политического департамента об учреждении швейцарской миссии

Дипломатическое представительство утвердили, но его работа была непродолжительной: после Октябрьской революции страны разорвали дипломатические отношения и возобновили их только в 1946 году.

Причины эмиграции

Сегодня Швейцария – одна из самых привлекательнейших стран для иностранцев. Из около восьми миллионов ее жителей четверть составляют эмигранты. Таким образом, этот показатель является одним из самых высоких в мире. Поэтому нам сложно представить, какие процессы, происходившие в стране, способствовали массовому оттоку ее граждан в прежние времена. Ответ на этот вопрос, по моему мнению, лежит в нескольких плоскостях.

Алексей Ламберт, титулярный советник, швейцарец, проживший более тридцати лет в России и прослуживший в различных гимназиях преподавателем французского языка, в своих мемуарах говорил о том, что благосостояние страны резко ухудшилось после того, как Швейцария начала сворачивать систему предоставления соседним государствам солдат для службы в армии по найму: «перед гражданами бедной горной страны встает вопрос о том, чем заменить этот серьезный источник национального дохода»¹⁶. Действительно, до XVII века одним из основных источников дохода для маленькой страны, практически не имевшей собственных ископаемых и природных богатств, служила поставка солдат для службы по найму в войска иностранных государств. Швейцарских воинов ценили за их выносливость и неприхотливость в быту.

В научной сфере ситуация приблизительно в это же время тоже обстояла не лучшим образом. До 1833 года в Швейцарии существовал только Базельский университет, основанный в 1460 году. После Реформации в Цюрихе, Берне и Шаффхаузене появились так называемые высшие школы и аналогичные им академии в Женеве и Лозанне. Они ни в коей мере не соответствовали высшим учебным заведениям в современном понимании, еще меньше общего они имели с научными академиями, существовавшими в Берлине, Париже и Санкт-Петербурге. Высшие школы и академии служили, в первую очередь, обучению теологов. Набор предлагаемых дисциплин ограничивался в течение длительного времени теологией и вспомогательными науками. В течение XVIII века эти учреждения постепенно открыли двери общественным и естественным наукам.

Получить профессорскую должность помимо теологов могли очень немногие ученые. Возможности научной деятельности ограничивались как минимум двумя факторами. Соответственно социальному престижу работа профессоров, во-первых, низко оплачивалась. Теолог зарабатывал в Женеве в два раза больше, чем естественник. В Базеле все жаловались на отсутствие мотивации у профессоров, которые, чтобы выжить, вынуждены были давать частные уроки или сдавать комнаты жильцам и этим хоть как-то дополнять свой скудный профессорский заработок. В связи с этим на занятия любимой наукой у них оставалось не так много свободного времени. В богатых городах, конечно, нередко встречались представители уважаемых семейств, которые жили на полученное наследство и поэтому могли себе позволить частным образом заниматься наукой. Основная часть исследований также проводилась приватным образом, так как лучшие лаборатории находились в домах нескольких состоятельных ученых-новаторов.

Во-вторых, эти немногие низкооплачиваемые профессорские должности зачастую «бронировались» для местных жителей, как пишет в своей книге «Швейцарские ученые в Санкт-

в С.-Петербурге от 29 мая 1905 г. (DDS 5, N 77) было принято Федеральным советом на заседании 25 сентября 1905 г. см. DDS 5, N 88.

¹⁶ Ламберт А.В. Очевидец революции: мемуары русского швейцарца Алексея Ивановича Ламберта (1863-1942) / Александр Ламберт, Виктор Ламберт. М.: Родина Медиа, 2014.

Петербургской академии наук. XVIII век» Рудольф Мументалер¹⁷. В XVIII веке в Базеле профессорами могли быть избраны только граждане Базеля, в Женеве должность профессора могли получить только представители нескольких местных знатных семейств (патрициев), аналогичным образом обстояло дело и в Лозанне. Шансы базельца поступить на место профессора в университете родного города после введения системы жеребьевки превратились в лотерею. Из поступивших заявлений выбирались три. Жребий решал, кто из этих троих займет должность профессора. При еще не развитом разделении наук ученые с энциклопедическим образованием часто соглашались возглавить кафедру, не соответствовавшую их специализации.

В своей книге Рудольф Мументалер приводит интересную таблицу, с помощью которой систематизирует причины, побуждавшие швейцарцев к переезду или, наоборот, отказу от него.

«За» и «против» эмиграции из Швейцарии

Эмиграция – «нет»

Эмиграция – «да»

Швейцария

факторы, удерживающие на родине

семья;

надежная работа;

любовь к родине;

здоровье

факторы, побуждающие к эмиграции

отсутствие должности;

личные проблемы;

отсутствие перспектив;

отсутствие социального престижа

Россия

факторы, побуждающие к отказу

языковые проблемы;

неуверенность;

тяготы путешествия, климат;

риск

факторы привлекательности

карьера;

возможности роста;

приключение, любознательность;

социальный престиж

В принципе, все достаточно понятно, кроме, может быть, социального престижа. Думаю, за разъяснением мы можем обратиться к путеводителю Елены Николаевны, который далеко не всегда содержит только восхитительные описания пейзажей. Елена Водовозова в числе прочего указывает и на те условия жизни в стране, которые она считает в какой-то степени неприемлемыми, даже дикими: «Добросовестно заботясь о благосостоянии своего населения, община стремится, чтобы все ее члены не испытывали особенной нужды, а потому страшно тяготится бедняками. Каждая община обязана содержать стариков, потерявших способность работать,

¹⁷ Мументалер Рудольф. Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век / отв. ред. Л.И. Брылевская. СПб.: Нестор-История, 2009. 236 с.

больных, сирот, одним словом, всех несчастных своей общины. Чтобы тратить поменьше денег на их содержание, община отдает своих несчастных или, точнее сказать, продает их с публичного торга всем тем, кто согласится взять их на свое содержание за наименьшую плату. Люди, получившие право за небольшое вознаграждение распорядиться одним или несколькими бедняками, стараются выжимать из этих несчастных всю выгоду, какую только возможно. В конце концов оказывается, что бедняки, презируемые общиной, становятся настоящими рабами своих новых хозяев, которые кормят и содержат их крайне скаречно и заваливают их непосильной работой»¹⁸. Она также рассказывает и о том, что в стране проживали и люди, не принадлежавшие в силу различных причин, ни к одной общине. Таких людей называли гейматлозовами, и порой единственным шансом хоть как-то зацепиться в этой жизни для них был побег за пределы родины.

Миграционный режим

Каких-либо специальных сведений о том, каким был миграционный режим между двумя странами и был ли он вообще, мне найти не удалось. Определенные специальные сведения можно отнести к концу XVIII века, и то только благодаря не слишком приятному для Швейцарии событию. В 1798 году на территорию страны со стороны нынешнего кантона Во вступают французские войска, которые провозглашают здесь Гельветическую республику – республиканское унитарное государство, контролируемое Францией. Из-за новых порядков кантоны конфедерации лишаются независимости и превращаются в административные округа, а сама страна становится ареной борьбы между войсками Наполеона и антифранцузской коалиции. К слову, знаменитый переход Суворова через Альпы относится именно к этой печальной для Швейцарии странице истории.

В это же время, 9 апреля 1798 года, в России при Сенате выходит указ императора Павла Первого, регламентирующий порядок, при котором швейцарцы, бегущие от установившегося нового режима, могут остаться жить в нашей стране.

Указ Павла Первого

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената объявляется всенародно.

В именном Его Императорского Величества Указе, данном Сенату сего апреля 7-ого дня за собственноручным его Величества подписанием изображено: «По беспокойствам в Швейцарии восставшим от незаконных и возмутительных французских правил повелеваем: Всех наций оной людей, как живущих уже в Империи Нашей, так и впредь пребывающих в пределы оной, на Хранение непричастности к зловерной неподчиненности Законам от Правительства и единоначалия данным приводить к присяге по прилагаемой при сем форме, которую имеет Сенат для надлежащего исполнения, где следует публиковать. Правительствующий Сенат приказали: для должного по сему Высочайшему Его Императорского Величества повелению об исполнении объявить всенародно публичными Указами. О чем сим и публикуется»¹⁹.

Также указом Павла Первого была установлена форма присяги, которую гражданин Швейцарии, выразивший желание жить в России, должен был произнести. Текст указа и форма присяги сразу приводились на трех языках: русском, французском и немецком.

Форма присяги для швейцарцев

Я нижеименованный сею клятвою моею перед Богом и Святым Его Евангелием произносивую объявляю, что быв не причастен ни делом, ни мыслию правам безбожным и возму-

¹⁸ Водовозова Е.Н. Как люди на белом свете живут. Швейцарцы. изд. 2-е, испр. СПб. 1904.

¹⁹ Указы государя императора Павла Первого, самодержца всероссийского : [С 1 января по 16 декабря 1798 г.]. М.: Сенатская тип., 1798

тительным во Франции, также в ее окрестностях и в Швейцарии ныне введенным и исповедуемым признаю настоящее правление тамошнее незаконным, и в совести моей нахожу себя убежденным в том, чтоб сохранять Свято Веру Христианскую от предков моих наследованную N:N (сокращение, используемое для подписи выражений в случае, если его автор неизвестен. – Прим. автора): исповедание и быть верным и послушным прежнему образу Правительства; а по тому пользуясь безопасным убежищем от Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского даруемым мне в Империи Его, обязуюсь при сохранении как выше сказано природной моей Христианской Веры исповедания N:N: и достодолжном повиновении Законам и Правления Его Величества учрежденным, прервать всякое сношение с одноземцами моими повинующимися настоящему неистовому Правительству, и оногo сношения не иметь, доколе с восстановлением Законной власти, тишины и порядка в Швейцарии последует от Его Императорского Величества Высочайшее на то разрешение. В случае противных сему моих поступков подвергаю себя в настоящей временной жизни казни по Законам, в будущей же Суду Божию. В заключении же клятвы моей целую Слова и Крест Спасителя моего Аминь²⁰.

На 1843 год существовали такие правила режима. Иностранцы, въезжающие на территорию Российской империи, должны были сдать паспорта, выданные им компетентными властями их страны, взамен чего российские власти выдавали им новые. Однако эта процедура вовсе не являлась нововведением, ее придерживались уже в течение долгого времени. Лица, прибывавшие в Санкт-Петербург морем, иногда обменивали свои паспорта уже в Кронштадте, однако чаще всего в самом Петербурге. Те, кто добирался до России сухопутным путем, сдавали свой паспорт в первом же пограничном русском городе, откуда его отправляли в 3-е Отделение личной канцелярии Его Императорского Величества, а путешественнику выдавали пропуск – временный паспорт – исключительно для того, чтобы он мог продолжить путь до места назначения. Там в обмен на временный паспорт ему выдавали вид на жительство, если только из вышеназванного отдела императорской канцелярии не поступало иных указаний. Эта процедура строго соблюдалась, особенно в отношении иностранцев, прибывавших в Россию через Польшу.

Иногда делались исключения в пользу лиц, которые ранее уже приезжали в Россию и были там известны. Такие лица доезжали со своим иностранным паспортом до Москвы или даже до внутренних районов России. Однако по прибытии на место назначения они обязаны были подчиниться установленным правилам: им выдавали вид на жительство, а их иностранный паспорт отсылали в личную канцелярию императора и больше им не возвращали.

Обычно швейцарские граждане имели при себе документ о происхождении, благодаря которому и в случае необходимости при помощи своего консула могли подтвердить национальную принадлежность. В паспортах и видах на жительство, выдававшихся российскими властями иностранцам, въезжающим на территорию империи или проживающим в ней, национальность указывалась только в общем виде. Хотя швейцарец мог попросить, чтобы в его паспорте был также указан и его кантон. Но российские власти не требовали от швейцарских подданных документ о происхождении, так что последние могли хранить его у себя.

Портрет эмигранта

Генеральный консул Швейцарской Конфедерации в Санкт-Петербурге И. Боненблуст получил в 1843 году от старшины и Государственного совета кантона Люцерн, Федеральной дирекции некий циркуляр, в сегодняшнем аналоге – обычный опросный лист, – с просьбой ответить на вопросы, касающиеся эмиграции швейцарцев в Россию. Из его ответов, которые

²⁰ Там же.

он постарался дать наиболее полно, вырисовывается такой портрет типичного швейцарского эмигранта.

В России швейцарцы поступают на должности преподавателей, преподавательниц, гувернеров, гувернанток, кондитеров, архитекторов, скульпторов, художников, сыроваров, часовщиков. Чуть позже в этом же циркуляре Боненблуст добавит, что даже представители этих профессий должны обладать исключительным талантом, чтобы достичь успеха в России. Владеющие иными профессиями швейцарцы не найдут себе места в стране, потому что эту работу могут выполнить местные жители. Устроившиеся в России иногда перевозят к себе свои семьи и знакомых, в целом же это невыгодно, да и приехать в Россию с тем, чтобы заработать на кусок хлеба, можно посоветовать лишь людям старательным и работоспособным. Такой человек может отправиться в наиболее благоприятную по своему положению область.

В новой для себя стране эмигранты устраиваются по-разному в зависимости от своего положения и рода деятельности. Чтобы получить место, швейцарцы обращаются к протестантским пастырям; каждый второй швейцарец прибегает к помощи консула или соотечественников. Те, кто привозит с собой деньги, что случается крайне редко, обычно стараются извлечь из них прибыль у себя на родине в Швейцарии. Обладатели значительного капитала могут вложить его в императорские кредитные учреждения, которые выплачивают 4%, либо участвовать в приносящих прибыль предприятиях. Приехавшие без средств к существованию живут на иждивении других швейцарцев, уже обосновавшихся в России, либо прибегают к помощи Швейцарского благотворительного общества, которое очень часто отправляет их обратно в Швейцарию за свой счет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.